
Список використаних джерел:

1. Дяченко П.Г. Чорні запорожці. Спомини командира 1-го кінного полку Чорних запорожців Армії УНР. – К.: Стікс, 2010. – 448 с.
2. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917 – 1920): документально-художнє видання / упорядник М. Ковальчук. – К.: Темпора, 2007. – 608 с.
3. Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. – Харьков: Фолио, 2005. – 415 с.
4. Тинченко Я. Офіцерський корпус Армії УНР (1917 – 1921): наукове видання. – К.: Темпора, 2007. – 536 с.
5. Удовиченко О. Третя Залізна дивізія. – Нью-Йорк: Червона калина, 1982. – 232 с.
6. Удовиченко О. Україна у війні за державність. – К.: «Україна», 1995. – 208 с.

Сергей Сезин

соискатель кафедры Украиноведения
Кременчугского Национального
университета им. М. Остроградского

ОЧАКОВСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Работа рассказывает о деятельности организации «Госсудоподъем» по утилизации устаревшего вооружения и боеприпасов в крепости Очаков в 1924 году. Описаны трудности, возникшие в процессе конверсии, сложность окупаемости подобных работ, необходимость тщательного подбора кадров для него. Сообщены некоторые сведения о судоподъемных работах организации.

Ключевые слова: Крепость Очаков, артиллерия, боеприпасы, «Госсудоподъем», конверсия.

Под таким названием в Архиве Администрации города Новороссийска скрываются архивные дела фонда Р-257, повествующего об организации «Госсудоподъем». Эта организация, ныне именуемая предшественником «ЭПРОНа», является объектом интереса автора. В многочисленных делах фонда таятся рассказы об интересных вещах, вроде участия магазина ГУМ в деле судоподъема и эксплуатации танкерного флота или поразительной стойкости мыла к морской воде. Сейчас речь не об этом, а об одной из работ организации – уборке артиллерии и боеприпасов из Очаковской крепости в 1924 году.

Ниже приводится краткий очерк истории Очаковской крепости до 1924 года.

Крепость Ачи-Куле получила это название в 1502 году от нового владельца – Османской Империи. Предшествующая ее история освещена недостаточно ясно, поскольку сложно отделить ранее существовавшие в этом регионе крепости генуэзцев – Лерич, Великого Княжества Литовского – Дашев, Крымского ханства – Кара-Кермен друг от друга.

Стратегически важное место требовало защиты мощными фортификационными сооружениями. К началу XVIII века Очаковская крепость превратилась в мощную опору Османской империи в этом крае.

К началу Русско-турецкой войны 1735-1739 года крепость имела замок и три линии укреплений. 10 июля 1737 года русская армия Миниха вышла к стенам Очакова. Недавно усиленный, гарнизон ее состоял из 22 тысяч человек и 106 различных орудий.

Армия фельдмаршала Миниха имело недостаточно сильный осадный парк: восемнадцать 18 фунтовых пушек, 10 гаубиц и 30 мортир. Мощный гарнизон позволял проводить контратаки значительными силами, кроме того, в виду крепости имелся гребной флот противника, который также мог оказать помощь.

Из-за этих обстоятельств Миних не стал вести правильную осаду, а стал готовиться к штурму, подготовив его мощным огнем артиллерии. Гарнизон крепости защищался отчаянно и успешно контратаковал. Но от огня русской артиллерии в крепости разгорелся пожар, дошедший до главного порохового погреба крепости. Взрыв его нанес ужасные потери гарнизону и вынудил очаковских пашей сдаться. Это произошло 13 июля (по новому стилю) 1737 года.

В Очакове был оставлен русский гарнизон, который спустя недолгое время успешно выдержал двухнедельную осаду турок.

По Белградскому мирному договору Очаков остался турецким владением.

По условиям Кучук-Кайнарджинского мирного договора у крепости Очаков появился русский антипод – крепость Кинбурн, ранее построенная турками, а теперь отошедшая к России. До этого Кинбурн усиливал Очаков, теперь же он стал его противником. Противостояние Очакова и Кинбурна длилось еще долго, и даже когда они оба стали владением России.

Существование укреплений у Кинбурна было обусловлено следующим фактором: главный фарватер находился от оконечности кинбурнской косы приблизительно в 700 метрах, а от батарей Очакова – почти в двух километрах. Двухкилометровая дистанция препятствовала эффективному артиллерийскому огню.

К этому моменту Очаков являлся мощной крепостью, владение которой ограничено давало возможность препятствовать выходу русского флота из Днепровско-Бугского лимана. Кинбурн гораздо более мешал прорыву флота противника в лиман, но был весьма слаб как крепость.

Следующим испытанием для крепости стала русско-турецкая война 1787-1791 годов. События вокруг города стали важным этапом войны, особенно действия флота и гребной флотилии, нанесшей туркам ряд серьезных поражений на море. Но крепость Очаков упорно удерживалась турками. Гарнизон крепости составлял около 20 тысяч человек и более 300 орудий. Крепость была перестроена французскими инженерами, а с началом войны усилена дополнительными полевыми укреплениями.

Осада Очакова началась в июне 1788 года и сильно затянулась. Руководящий осадой крепости Потемкин считал крепость очень мощной, потому не желал тяжелых потерь при ее штурме. Длительная безуспешная осада вызывала нарекания в медлительности. Наконец Потемкин решился на штурм, который произошел утром 6 декабря 1788 года шестью колоннами, причем частично даже по льду лимана. Во взятой крепости погибла большая часть гарнизона.

После чего в истории крепости наступил длительный перерыв. По приказу князя Потемкина большая часть укреплений была уничтожена. Хотя сама крепость по Ясскому договору отошла к России, она не обновлялась. Защиту входа в лиман осуществляла Кинбурнская крепость. Город также захирел из-за бурного роста недалеко расположенной Одессы.

В 1806 году была предпринята попытка возобновить Очаковскую крепость, но дело закончилось постройкой так называемого Николаевского ретраншемента, для которого воспользовались сохранившимся бастионом турецкой крепости на самом берегу. Новое укрепление имело вспомогательное значение.

В Крымскую (Восточную) войну 1853-1856 годов защиту входа в лиман осуществляла крепость Кинбурн. Затем она была дополнена укреплениями у самого города Николаева. Крепость Кинбурн подверглась атаке флота союзников с использованием броненосных кораблей и была сдана на капитуляцию. После ее падения укрепление Николаевское было взорвано.

После окончания войны сохранялись только оборонительные постройки, прикрывающие непосредственно город Николаев.

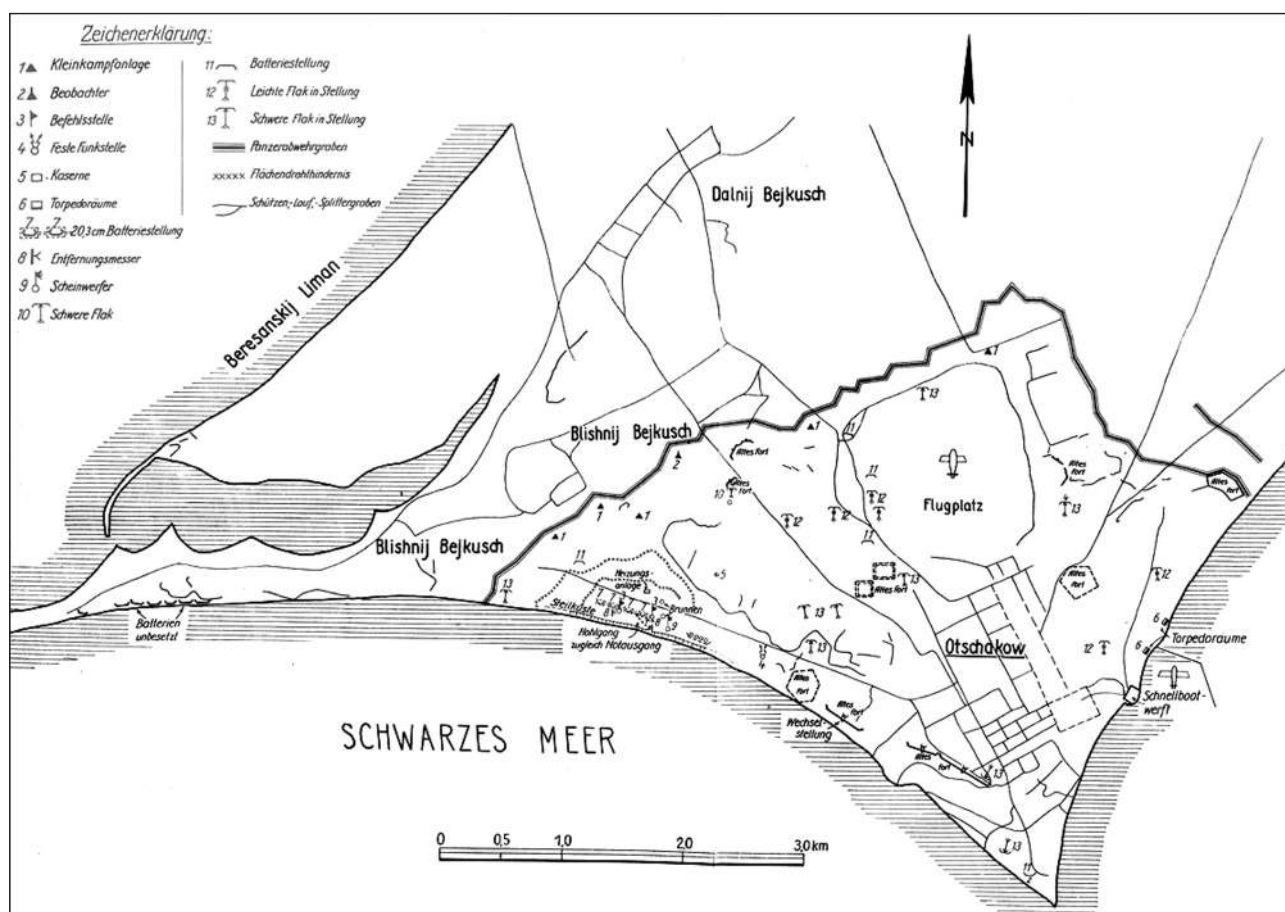
Возрождение крепости Очаков произошло уже ко времени очередной русско-турецкой войны 1877-78 годов. Работы по постройке батарей начались с 1874 года.

В новых условиях было учтено прохождение фарватера ближе к Кинбурну, нежели к Очакову, поэтому имелись и батареи у города Очакова, а вместо упраздненного Кинбурна была построена его «замена» — Морская или Николаевская батарея на искусственном острове у южного берега лимана. Постройка укреплений на искусственных островах широко использовалась при создании береговой обороны в Финском заливе, на Черном море такое сооружение осталось уникальным (в Николаеве имела же островная Николаевская батарея, но она была построена на естественной отмели). Для новых орудий указанные выше расстояния уже не представляли проблемы. В районе города Очаков располагались батареи, носящие №1-4, еще одна батарея имела на острове Березань, и шестая — Николаевская батарея на искусственном острове. Ее строительство длилось дольше всех и окончательно было завершено к 1891 году. Для укомплектования артиллерии в Очакове были использованы Николаевские роты крепостной артиллерии. После окончания Русско-турецкой войны было принято решение оставить впредь крепость Очаков, усилив его оборонительные постройки до характера долговременных укреплений, где это не успели сделать до войны. Впоследствии батарея на Березани в мирное время была упразднена, а вооружаться должна была только по мобилизации.

К 1890-м годам крепость имела пять артиллерийских рот и одну минную роту.

Но годы шли, артиллерийское вооружение крепости устаревало. Оно перестало соответствовать возросшим скоростям движения кораблей, их бронированию и вооружению. Взгляды руководства крепостной артиллерии в те годы можно было сформулировать в виде тезиса, о том, что хотя крепостная артиллерия и устарела, но она может справиться с вражескими кораблями. Поэтому замена устаревших орудий производилась только в редких случаях. В основном поступавшие новые орудия усиливали старые, а не заменяли их. Следствием этого был о превращении береговых батарей в музеи артиллерийской техники. Очаковская крепость к 1914 году располагала только одной батареей из 4 современных орудий Кане (№4), прочие же береговые орудия давно устарели. Тем не менее, на Черном море значительное усиление новыми орудиями планировалось только для Севастопольской крепости. Керченская крепость постепенно лишалась старых орудий, а современных в ней не было никаких. Артиллерия Михайловской крепости в Батуме также сокращалась до минимума. Прочие пункты побережья в мирное время артиллерией не прикрывались.

До 1908 года к этому состоянию были некоторые основания — стагнация турецкого флота и паралич военного кораблестроения Турции. Но с 1908 года Турция начала активно закупать корабли за рубежом, в том числе 2 броненосца в Германии. В последующий период турецкое правительство планировало более масштабные закупки военных кораблей.

Эти корабли Турцией так и не были получены, хотя закупками перед Первой мировой войной фиктивной продажей «Гибена» и «Бреслау» турецкий флот усилился и стал способен совершать набеговые операции на приморские города Российской империи.

Но крепость атакам противника не подвергалась. В течении этого времени производилось усиление крепости артиллерией из Кронштадта (два старых 280мм орудия на скрывающихся станках системы Паукера). Имеются неподтвержденные пока сведения об усилении сухопутной обороны крепости постройкой линии редутов.

Во время гражданской войны территория крепости многократно переходила из рук в руки. Особенно тяжелые последствия имел подрыв отрядом Добровольческой армии большинства старых орудий крепости, имевший место в 1919 году. Батарея с орудиями Кане тоже пострадала – одно из ее орудий было повреждено 102-мм снарядом с эсминца «Поспешный», а замки с остальных были сняты и увезены отходящими красными войсками. Строившийся для крепости минный транспорт «Грозный» был перестроен в канонерскую лодку и использовался ВСЮР на Азовском море.

В феврале 1920 года уже небоеспособную крепость была занята частями 41 дивизии РККА. Поэтому командование красных приняло энергичные меры по восстановлению артиллерийской обороны крепости.

«14. С 14 по 15 марта осмотрена Очаковская крепость и остров, Николаевская батарея, 11-дюймовая, 9-дюймовая и 6-дюймовая батареи, склады и погреба. Выяснена непригодность орудий, кроме трех 6-дюймовых «Кане», как требующих крупного ремонта.

15. Местонахождение замков «Кане» выяснено и о их высылке запрошена XII армия, куда они были сданы 58-й дивизией осенью 1919 г. при отступлении.

16. Выбраны места для установки в Очакове двух батарей из четырех 6-дм и трех 130-мм из числа доставляемых центром в первую очередь. Заказаны для них в Николаевском порту деревянные платформы, которые будут готовы к 4 апреля.

Коморсиюгзап Измайллов».

Этот документ датирован первым апреля 1920 года.

Летом и осенью 1920 года крепость отражала многочисленные попытки флота ВСЮР прорваться в лиман. Основу обороны крепости составляли 7 артиллерийских орудий калибром 130-152-мм (Николаевская батарея, переименованная в Первомайскую и батарея №4). Огонь их, усиленный огнем трех плавучих бата-

рей и канонерских лодок, во взаимодействии с мощными минными заграждениями, при поддержке авиации оказался непреодолимым для белого флота. Последний использовал для подавления крепости огонь артиллерии крейсера «Кагул» (14130-мм орудий) и линейного корабля «Генерал Алексеев» (12305-мм орудий), но безуспешно. За подвиги в боях два артиллериста крепости были награждены орденами Красного Знамени.

К 1924 году артиллерия крепости еще не была передана в ВМФ, а входила в состав РККА и подчинялась начальнику артиллерии 6 стрелкового корпуса Украинского Военного округа.

Таким образом, к 1924 году крепость имела значительные запасы устаревшей артиллерии, к тому же непригодной к использованию. Обилие казематов в ней создавало возможность использования крепости как склада боеприпасов и артиллерийского имущества. Но наличие огромных запасов ненужного имущества тяготило военных, а, поскольку они не имели возможности самостоятельно убрать имущество из крепости и сдать его в ОФИ для утилизации, то им пришлось искать исполнителя, который бы мог проделать эту операцию.

Одновременно основная тогдашняя организация по судоподъему «Госсудоподъем» испытывала финансовые сложности и была не против финансово выгодной операции.

Начало 20-х годов в экономической жизни таило для многих организаций такой подводный камень, как хозрасчет и самоокупаемость. Субсидии государства касались не всех. Это конкурент ЭПРОН мог за счет богатого шефа (ОГПУ) позволить себе многое, о чем госсудоподъемовцы могли только мечтать. А им приходилось решать «проклятые» вопросы хозрасчета и самоокупаемости. Наиболее часто приток денежных средств в организацию должен был идти от подъема затопленных судов. Они, переданные ВМФ или гражданским организациям, должны были обеспечить основной приток денег. Ну и более мелкие работы, поскольку на морском дне оказались не только корабли и суда, а их грузы, орудия, детали и т.д. Вот тут-то и таился второй риф. Нужно было найти объект, который однозначно принесет хорошую прибыль (то есть при этом производственные расходы должны быть минимально возможными, дабы крах не настиг до окончания работ). В этом смысле наиболее приемлемыми были подъем судов и выгодных подводных объектов, лежащих в закрытых гаванях и не требующих особенно значительных трат из-за сложности. К 1924 году «запас» таких объектов изрядно иссяк. Учреждение все чаще сталкивалось с неприятной ситуацией, когда труды оказывались убыточными. Например, судоподъемные работы по подъему «Памяти Азова» и «Народовольца» принесли одни убытки, хотя были удачными и завершились подъемом затонувших кораблей. В поисках финансовой выгоды руководство «Госсудоподъема» остановило свое внимание на задаче по уборке артиллерийских орудий, боеприпасов и негодного имущества из Очаковской крепости.

Это имущество должно было быть вывезено из крепости, сдано на утилизацию, а вырученные суммы должны были прийти на счет «Госсудоподъема». Следует добавить, что финансовое положение организации в то время было весьма сложным, ибо финансово выгодные работы отделений на Севере прекратились, а работы Балтийского и Черноморско-Азовского отделений были скорее убыточны.

Таким образом, заказчик и исполнитель нашли друг друга. Далее следовало согласовать позиции: что подлежат вывозу и утилизации, а что нет, и как провести работу с боеприпасами без опасности для города и действующих батарей.

Поэтому «Госсудоподъему» была предоставлена свобода действий и важная информация, а именно инструкции по разрядке различных старых артиллерийских боеприпасов [2], списки имущества, в котором военное ведомство не было заинтересованно [1].

Кроме того, Очаковской партии были выделены запасы взрывчатых веществ для подрыва старых орудий (150 пудов пироксилина из Севастополя) [1, с. 52] и место для их хранения, специалисты для руководства разрядкой снарядов (2 пиротехника и один лаборант) [1, с. 54] и многое другое. Следует уточнить, что количество пироксилина на разных страницах дела колеблется от 150 до 200 пудов. С чем связано различие – установить не удалось.

Согласно ведомостям подлежали утилизации следующие орудия, боеприпасы и устройства крепости.

Ведомость датирована 17.01.1924 года и опирается на приказ ГАУ №95731.

Текст разбит на разделы, названные по материалу, который получался при утилизации имущества.

1. Сталь:

– 9-дюймовых мортир обр. 1877 года – 35 штук (Примечание: 10 – порваны, 25 – повреждены нарезы в дульной части). В дальнейшем это примечание не оговаривается;

– 42-линейные пушки – 4 (без затворов и пр.);

– 57-мм пушки Норденфельда – 2 (совершенно порваны на куски неприятельскими снарядами).

2. Котельное железо:

– 11-дюймовые лафеты с рамами – 35 штук, вес 11250 пудов (без многих частей, часть в разобранном виде, многие повреждения).

В дальнейшем под обозначением «дм» следует понимать калибр в дюймах.

3. Железо:

- 9-дм мортирные лафеты – 37 штук (состояние описано аналогично);
- 9-дм рам поворотных – 7, вес 2100 пудов (устарели, без многих частей);
- лафетов с рамами к 6-дм пушкам в 190 пудов – 1 штука, вес 110 пудов (без многих частей);
- лафетов к 42-линейным пушкам – 9, вес 630 пудов (без многих частей, имеются повреждения);
- лафетов к 57-мм пушкам – 2, вес 50 пудов (разбиты неприятельскими снарядами);
- компрессоров гидравлических к 11-дм орудиям – 3 (без многих частей);
- компрессоров гидравлических к 9-дм орудиям – 2 (аналогично предыдущим);
- компрессоров гидравлических к 6-дм пушкам в 190 пудов – 6 (состояние аналогично);
- тумбы к 3-дм поршневым орудиям (возможно, это 3 полевые орудия на тумбовых лафетах);
- тумбы к 11-дм пушкам со стрелами – 5 штук, вес 2000 пудов.

Далее в ведомости идут лебедки, якоря, приспособления для подъема снарядов к орудиям, щиты к 57-мм орудиям, 2 щита к 11-дм орудиям и прочее артиллерийское имущество, описанное в лучшем случае как годное, но неиспользуемое. В основном же используются вышеприведенные формулировки.

Этот список имеет и некоторую прикладную ценность – позволяет оценить результаты стрельбы по крепости белого флота в 1920 году. Итого уничтоженных огнем противника орудий насчитывается 2 (57-мм пушки). Упомянутый Варнеком разбитый снарядом эсминца «Поспешный» лафет Кане не проходит ни по этому списку, ни далее. Крупные орудия имеют повреждения тел только от подрывов 1919 года. Возможно, часть повреждений лафетов обусловлена попаданиями осколков снарядов.

Артиллерийские снаряды:

- стальные бомбы к 11-дм пушкам обр. 77 года – 678;
- стальные бронебойные бомбы к 11-дм пушкам обр. 67 года – 936;
- стальные бомбы к 9-дм пушкам – 639;
- стальные бомбы к 6-дм пушкам в 190 пудов – 403;
- 6-дм стальные шрапнели к пушкам в 190 пудов – 1357;
- 42-линейные стальные шрапнели – 153;
- чугунные бомбы 9дм к орудиям обр. 77 – 2929;
- чугунные бомбы закаленного чугуна 11-дм – 2735;
- чугунные бомбы закаленного чугуна 9-дм – 1218;
- чугунные бомбы к 6дм пушкам в 120 пудов – 31;
- чугунные шрапнели 6-дм – 105;
- чугунные 42-линейные гранаты – 96;
- чугунные гранаты к батарейным пушкам – 8766;
- ударные трубки образца 1884 года – 31383 штуки (формулировка «изъятые из употребления»).

Имелись и более редкие боеприпасы, например, 649-дм бомбы со свинцовой оболочкой пр.

Список боеприпасов впоследствии корректировался, стал более многочисленным и разнообразным.

Например, по ведомости №1 дела №104 проходят другие орудия:

- тела 11-дм пушек обр. 67 года с зарубленными полями нарезов – 6 штук;
- лафеты к ним с рамами – 6;
- тела 11-дм пушек скрепленных и нескрепленных с подорванными дульными частями – 13;
- лафетов к ним – 9;
- тела 9-дм береговых мортир с подорванными дульными частями – 10;
- тела 6-дм бронзовых мортир – 4;
- тела 57-мм береговых орудий – 1;
- тумба к нему – 1;
- тела 75-мм орудий – 2 (в этом варианте они не идентифицированы, в другом варианте списка названы французскими);

- тела батарейных пушек без замков – 4;
- лафетов к ним – 3;
- тел береговых орудий – 3 (не идентифицированы);
- тела легких полевых пушек обр. 77 года – 7;
- лафетов к ним – 25;
- лафетов обр. 95 года – 2.

Ведомость по боеприпасам тоже отличалась:

- бомб 11-дм **находящихся в море (выделено автором)** – 100.
- бомб 11-дм стальных разряженных – 187;
- гранат батарейных снаряженных – 201;

-
- неснаряженных – 8381;
 - шрапнелей батарейных снаряженных – 451;
 - неснаряженных – 7460;
 - картечей батарейных – 5;
 - бомб 8-дм к орудиям обр. 77 неснаряженных – 12;
 - шрапнелей 8-дм – 1;
 - бомб 24-фунтовых – 14;
 - гранат 3-дм полевых – 72;
 - шрапнелей 3-дм – 30;
 - картечей 11-дм – 40;
 - шрапнелей 57-мм – 30;
 - донных ударных трубок обр. 1896 года – 4481.

Еще упоминаются негодные патроны Льюиса, лафеты и более редкие боеприпасы.

Ведомость номер 2 отличается только небольшими изменениями от №1.

Забегая вперед, следует сказать, что ведомость №1 лежит ближе к итоговым цифрам утилизации по артиллерийским орудиям.

Часть боеприпасов имела в казематах укреплений, часть в пороховых погребах, часть использовалась в контрминных галереях, часть боеприпасов собирались поднять со дна моря.

Подлежащие разрядке снаряды следовало с предосторожностями перевезти гужевым транспортом на место разрядки, очистить от взрывчатых веществ, удалить детали из цветных металлов. Подготовленные так снаряды грузились на транспортные средства и морем доставлялись в порты для перегрузки на железную дорогу.

Снаряды, использованные в контрминах, следовало еще откопать из контрминных галерей. Поднимать со дна моря снаряды в итоге не потребовалось. Наоборот, пришлось утопить часть боеприпасов, которые не подлежали разрядке из-за опасности этого.

Орудия и лафеты, подлежащие утилизации, планировалось разорвать пироксилином на удобных куски, перевезти гужевым транспортом к месту погрузки, погрузить их на баржу «Фотиния», принадлежащие организации, либо на нанимаемые дубки и отвезти в Одессу, где уже по железной дороге добытый металл должен быть перевезен и передан на утилизацию ОФИ.

Таковы были планы.

Руководство операцией было получено инженеру Александру Михайловичу Орлову, жившему с семьей в Одессе [4, с. 1].

С ним был заключен договор о проведении этих работ и ему был вручен мандат на право производства работ по очистке Очаковской крепости, включая острова Первомайский и Березань. Остров Березань упоминается только в мандате Орлову, но подлежащие уборке оттуда предметы не входили в указанные в мандате табели имущества. Кроме того, в утилизации участвовал и помощник Орлова техник Г.Ф. Зигельман, на которого легла основная тяжесть работ по найму рабочих, расчету с ними, проведение самих работ в условиях, когда первоначальные планы чуть не полетели в тартарары, война с пиротехниками, проблемы с соцстрахом и прочее.

Операция была сочтена финансово выгодной и исполнимой, но ее реализация потребовала значительных усилий, ранее не представляемых авторами планов. Первый сюрприз преподнесли военные. Оказалось, что планы по подрывам тяжелых орудий невыполнимы. Ибо в казематах близ 11-дм орудий острова Первомайского сложены современные боеприпасы, которые никто убирать оттуда не собирался, и от того подрывные работы близ них исключались. Орудия пришлось резать автогенном, что оказалось дольше и с финансовым ущербом для организации. Завезенный из Севастополя для подрывных работ пироксилин то и дело требовали убрать, переместить, увлажнить и пр. [2, с. 45].

Одновременно возникла проблема с прикомандированными пиротехниками. Уборка и разрядка огромного количества боеприпасов неопытными людьми требовала профессионального руководства во избежание катастрофы. Но с пиротехниками возникали постоянные проблемы.

Стр. 138 «задержаны работы на 15 дней из-за суда над пиротехником товарищем Селлиным».

Стр. 146. Пиротехники Соловьев и Александрович не нашли общего языка с техником Зигельманом и оттого заявили, что увольняются с 1 августа, ибо он совершенно не выполняет их указаний по части работы с боеприпасами. Одесская контора Госсудоподъема пригласила мятежных пиротехников к себе, пытаясь понять, что мешает работе. Визит пиротехников в Одессу произвел на начальство впечатление, что Зигельман не виноват, а дело в склопотности пиротехников, отчего их рассчитали, и зарплата в 120 рублей им уже не полагалась. Первоначально начальство думало, что виноват Зигельман. Начали искать других пиротехников, а летние дни уходили...

Далее были технические проблемы: что делать с 42-линейными шрапнелями, в которых свинцовые пули были залиты серою. Свинец нужно было извлечь, но при этом без опасности пожара, а пиротехники отсутствовали....

Потом был конфликт с соцстрахом из-за несоблюдения трудового законодательства, забастовка возчиков из-за задержки зарплат, проблемы с автогенной резкой орудий...

Все это ложилось большей частью на плечи Зигельмана, который как Атлас, вынес весь груз черновой работы в операции на своих плечах. Чего это ему стоило, можно прочесть в его письме начальству: совершенно обносился, семья голодает, из-за отсутствия денег на чернила вынужден отчеты писать карандашом (и правда, тексты написаны карандашом на не сильно хорошей бумаге, а рядом их машинописные копии).

Но дело потихоньку двигалось и в Одессу пошли вести:

...заготовлено 158 пудов свинца, 695 пудов 75 фунтов меди, 1358 латунных гильз к 3-дм пушкам, 133 гильзы гаубиц калибра 114 мм [2, с. 63]...

...отправлено 4 тела бронзовых орудий для разработки [2, с. 76]...

...отправлено с баржей «Фотиния» в Одессу бомб 11-дм обыкновенного чугуна 547, закаленного чугуна 43, стальных 219, 9-дм бомб обыкновенно чугуна 62, стальных – 3 [5, с. 2]...

...вывезено с батареи №318.06: взрывателей – 80, гранат 3дм – 100, шрапнелей легких – 2179, гранат бельгийских (к 18-фн. пушкам) – 628 [5, с. 3]...

...еще вывезено с 3-й батареи 154 бомбы к 6-дм полевым гаубицам, 118 бомб к 6-дм гаубицам Виккерса, шрапнелей 6-дм – 9, взрывателей 52 ящика, шрапнелей 114 мм – 223, гранат 114-мм – 170 [5, с. 12]...

...заготовлено с 14 по 19 июля 52 пуда 11 фунтов крупнозернистого пороха...

...вывезено с Суворовской батареи к месту разрядки 22 июля бомб 9-дм обыкновенного чугуна – 649, 9-дм бомб закаленного чугуна – 622, стальных бомб – 461, гранат батарейных – 461, картечей батарейных – 3.

...утоплено в море 30 июля как опасные и не подлежащие разрядке 6-дм бомб – 314, 3-дм гранат – 89, 3-дм шрапнелей – 22, 18-фунтовых гранат – 1, 18-фунтовых шрапнелей 14, взрыватели... [5, с. 19].

Вскоре были утоплены негодные учебные патроны к пулеметам Льюиса, которых оказалось 14000 штук...

И, наконец, сообщение от Зигельмана: «все казематы крепости очищены от снарядов, но акт еще не составлен». Дата 6 сентября 1924 года [5, с. 52].

Он же рапортовал, что «разработка закончена» 15.09.1924 года [5, с. 70].

Но это был еще не конец. Прием лома металлов тянулся еще долго, а в ноябре 1924 года начались работы по очистке от старых снарядов контрминных галерей рва у Потемкинской батареи [2, с. 83].

По некоторым данным, тяжелых снарядов для этой цели было использовано около 400, 19 ноября нанятые для этого безработные местные жители отрыли 27 штук, что отражено в сводке на странице 83 дела, а далее работы во рву упоминаются еще на страницах 102, 146, 157, но общего итога извлеченных из галерей снарядов не приводится.

Вместе с артиллерийским имуществом свою дорогу в металлолом нашли и чугунные минные якоря числом 449, завалившиеся в крепости [5, с. 85].

Еще возникло недоразумение с Рудметаллторгом, конфликт в Одесском портом по поводу того, что складированные грузы находятся на хранении слишком долго, Орлов получил выговор за несвоевременную сдачу отчетности, его даже обвинили в том, что его заявление об очистке Очаковского района не соответствует действительности [1, с. 185]. Но это были уже финальные сцены действия.

Вот более-менее окончательные цифры утилизации имущества Очаковской крепости:

- 11-дм снаряды – 5060 штук;
- 9-дм снаряды – 13850;
- 8дм снаряды – 57;
- орудий – 51 штука (56619 пудов);
- орудийные лафеты – 6973 пуда;
- цепи Галля – 150 пудов;
- пороха – 1600 пудов;

По материалам:

- стали – 108500 пудов;
- чугуна – 118500 пудов;
- красной меди – 2395 пудов;
- свинца – 3035 пудов;
- серы – 500 пудов;
- цинка – 500 пудов (последний являлся как бы побочным эффектом разборки, в планах утилизации отсутствовал и не сдавался) [5, с. 21].

Хотя есть и промежуточный документ, где указывается меньшее количество чугуна, стали, красной меди и пороха (что логично), но указывается большее количество свинца – 5000 пудов и добытую желтую медь – 1412 пудов.

Окончательный список артиллерии, сданной на лом, выглядит так:

- тел орудий 11-дм обр. 1867 года – 6;
- лафетов к ним с поворотными рамами – 6;
- тел орудий 11-дм обр. 77 скрепленных и нескрепленных с подорванными дульными частями – 13;
- лафетов к ним – 2;
- тел 11-дм нескрепленных орудий обр. 7 года – 3;
- мортир 9-дм – 35;
- тел орудий 57-мм – 1;
- тел орудий береговых – 3 (без уточнения, каких именно);
- тел орудий 75-мм – 6;
- тел орудий 42-линейных обр. 77 – 4 (без замков);
- лафетов к ним – 9;
- лафетов к легким полевым пушкам – 28;
- лафетов образца 95 года – 2 [2, с. 187].

Следует заметить, что в этом списке пропали 4 бронзовых орудия, тоже сданных на лом.

Кроме того, анализируя информацию о работах, можно составить косвенное представление о сооружениях крепости.

В ней упомянуты батареи Екатерининская (она же №1), Суворовская, Потемкинская (она же №3) и Первомайская, а также ров у Потемкинской батареи с контрминной системой и пороховой погреб №101. Упоминаются также сухопутные батареи и сухопутные погреба, но без детализации.

Ров упоминался в тексте также как Потемкинская балка [2, с. 146].

Вооружение, упомянутое выше, распределялось так:

Первомайская батарея: 1311-дм пушек обр. 77 года, скрепленных и нескрепленных, 10 – 9-дм мортир, 4 – 42-линейные пушки.

Екатерининская батарея: 311-дм нескрепленных пушки обр. 77 и 1 – 11-дм обр. 67, 4 – 9-дм мортиры.

Суворовская батарея: 219-дм мортира.

Потемкинская батарея: 511-дм пушек обр. 67 года [2, с. 187].

Перечисленные орудия были взяты с указанных батарей для переработки, а являлись ли они вооружением батарей или просто складированы на них, из текста понять затруднительно. На Первомайской батарее, скорее всего, часть старых орудий была складирована, так как число имеющихся там старых орудий действующих на тот момент явно превышает число дворилов. Первомайская (ранее именовалась Николаевской или морской) батарея строилась на восемь 11-дюймовых орудий, затем были построены еще 4 дворила для них. В 1920 м году были установлены 3 130 мм орудия, участвовавшие в боях с флотом Врангеля [6].

Финансовый итог операции вылился в 5506 рублей 35 копеек.

Остров Березань инженером Орловым не «разрабатывался», ибо 1925 год стал для организации «Госсудоподъем» последним. Организация была влита в ЭПРОН и закончила свое самостоятельное существование. Выводов из описанных событий можно сделать три:

1. Основное вооружение Очаковской крепости ко времени Первой мировой и Гражданской войн устарело морально и физически.

2. Конверсия военной техники и оружия – это сложный процесс, требующий значительных усилий и затрат на его проведение.

3. При ее проведении необходимо также учитывать необходимость музеефикации снимаемой с вооружения техники.

Автор благодарит сотрудников Архива администрации города Новороссийска за помощь в работе над материалами.

Список использованных источников:

1. Архив Администрации города Новороссийска, фонд Р-257, дело 104.
2. Архив Администрации города Новороссийска, фонд Р-257, дело 143.
3. Архив Администрации города Новороссийска, фонд Р-257, дело 145.
4. Архив Администрации города Новороссийска, фонд Р-257, дело 29.
5. Архив Администрации города Новороссийска, фонд Р-257, дело 26а.
6. П. Варнек «Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году». Электронная версия книги «Флот в Белой Борьбе» на сайте: <http://militera.lib.ru/h/whitefleet/index.html>.
7. Материалы сайта fortification.ru/oldforum/index.php?action=vthread&forum=1&topic=1210&page=0

Андрей Милосердов

краевед, г. Винница

ПРОРЫВ ЛЕТИЧЕВСКОГО УКРЕПРАЙОНА, АНАЛИЗ ПРИЧИН НЕУДАЧ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ХОДЕ ОБОРОНЫ В ПОЛОСЕ ЛеУРа В ИЮЛЕ 1941 г.

В статье сделана попытка на примере частного случая разобрать общие причины поражения войск 12-ой Армии Юго-Западного Фронта в ходе оборонительной операции в июле 1941г. в полосе Летичевского укрепрайона, являющегося составной частью так называемой «Линии Сталина».

Ключевые слова: Летичевский укрепрайон, ДОТ, капонир, сектора огня ДОТ, штурмовые группы.

Результатом грандиозного предвоенного строительства в Советском Союзе стало создания целой системы оборонительных линий, призванных остановить любое вражеское вторжение на западных рубежах страны. Однако как показали события лета 1941 года, возведённые укрепрайоны не выполнили своего предназначения и не стали ощутимым препятствием для продвижения войск противника. На прорыв обширных укрепленных полос немцы затрачивали не более нескольких дней. Исключением не стал и Летичевский укрепрайон – наиболее крупный из построенных на территории Украины, который был полностью прорван немцами всего за два с половиной дня боёв. На его примере мы попытаемся разобраться в некоторых причинах, неожиданной слабости и нестойкости, этих загодя возведённых и оборудованных оборонительных линий, поглотивших миллионные ресурсы нашей страны.

Не вдаваясь в описание глобальных проблем и ошибок советского оборонного строительства в сфере долговременной фортификации, хотелось бы остановиться на одном конкретном примере, в котором все изначальные негативные факторы нашли своё выражение на тактическом уровне, приведя к провалу оборонительной операции на одном конкретном участке. Таким конкретным примером, в котором, на мой взгляд, наиболее показательно проявилось сочетание просчётов стратегического и тактического уровней, является прорыв немцев на стыке 10-го и 11-го батальонных районов обороны (БРО) Летичевского УРа. Именно этот быстрый и лёгкий прорыв немецких горных егерей в глубину всей нашей тактической зоны обороны привёл её к опрокидыванию на всём центральном участке укрепрайона.

На данном участке линия УРа проходила вдоль железнодорожного полотна, проходящего от станции Деражня к станции Новая Гута. Полоса нашей обороны в этом секторе имела несколько линий фортификационных сооружений. В частности, она состояла (см. схему 1) из:

- **передовой линии**, проходящей с запада перед железнодорожной насыпью (со стороны противника);
- **главной линии**, проходящей по боевому гребню возвышенности за железнодорожной насыпью;
- **тыловой линии**, протянувшейся по холмам и склонам позади главной линии, и имеющей прерывистый фрагментарный характер.

С конца июня сектор обороны вдоль железной дороги заняли подразделения 37-го отдельного пулемётного батальона (ОПБ) ЛеУРа под командованием капитана Емельянова. Северный участок (Деражня – Се-